О водско-ижорской конвергенции и внутриидиолектном континууме (на примере одной кумулятивной руны)

Рожанский Федор Иванович, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Тартуский университет (Тарту); handarey@yandex.ru

Статья посвящена анализу различных вариантов водской кумулятивной руны *Kuza piippu?* «Где трубка?» в контексте водско-ижорских конвергентных процессов. Основное внимание уделяется двум проблемам: варьированию лексем со значением ‘амбар’ и ‘забор’ и структуре послеложных конструкций с этими лексемами. Основным материалом для исследования служат 13 опубликованных ранее вариантов руны и три варианта, записанные автором в процессе полевой работы в д. Лужицы Кингисеппского района.

Анализируя три лексемы, появляющиеся в руне *Kuza piippu?*, — *ratiz* ‘амбар’, *aitta* ‘амбар’ и *aita* ‘забор’, — автор приходит к выводу, что первая из них — это исконно водская лексема со значением ‘амбар’, вторая пришла из ижорского языка и так и не смогла стать закрепившимся заимствованием, а третья появилась в результате замены непривычной ижорской лексемы на фонетически наиболее близкое водское слово. Ижорское влияние заметно и в послеложной конструкции с этими лексемами (‘под амбаром ~ забором’). Если в ранних вариантах руны наблюдается отдельно записываемый послелог *alla* ‘под’, то в более поздних между существительным и послелогом появляется форматив *n*, а запись конструкции чаще становится слитной. Этот форматив *n* является показателем генитива, пришедшим из ижорского языка и в результате переразложения ставшим начальным согласным послелога.

Сопоставление различных вариантов руны, в том числе записанных от одного и того же носителя языка, показывает, что в ней может наблюдаться произвольное сочетание водских и ижорских элементов. Их соотношение является не столько свойством идиолекта, сколько свойством конкретного текста, что не позволяет считать идиолект минимальным социолингвистическим объектом и требует введения нового понятия для обозначения варианта языка, характеризующего конкретный текст с точки зрения соотношения в нем контактирующих языков. Для такого понятия предлагается термин «вариолект». Смещение водского и ижорского языков в западноводских деревнях является ярким примером итерационной конвергенции: нижнелужский ижорский, возникший как конвергентный идиом в результате смешения нескольких языков (прежде всего, ижорского и водского), образует новые контактные варианты, проникая в речь носителей водского языка.

Ключевые слова: водский язык, ижорский язык, языковые контакты, конвергенция, заимствования

VOTIC-INGRIAN CONVERGENCE AND INTRA-IDIOLECTAL CONTINUUM (A CASE STUDY OF A CHAIN RUNE)

Fedor I. Rozhanskiy, Institute for Linguistic Studies, RAS (St. Petersburg),
University of Tartu (Tartu); handarey@yandex.ru

This paper analyses different variants of the Votic chain rune *Kuza piippu?* “Where is the pipe?” in the context of Votic-Ingrian convergent processes. The main focus is made on the alternation between the lexemes “granary” and “fence”, and the structure of postpositional phrases containing these lexemes. The analysis is based on 13 variants of the rune published by several researchers, and three variants of the same rune recorded by the author in the village of Luuditsa of the Kingisepp region.

In different variants of *Kuza piippu?*, three lexemes alternate within the same line: *ratiz* ‘granary’, *aitta* ‘granary’, and *aita* ‘fence’. The paper concludes that the first variant is the original Votic lexeme meaning ‘granary’, the second one is an Ingrian word that was not fully adopted by Votic, and the third variant emerged as a substitution of the unfamiliar Ingrian word with the phonetically closest Votic word. The Ingrian influence is observed also in the postpositional phrase with the discussed lexemes (‘under the granary ~ fence’). In the earlier versions of the rune, one finds the postposition *alla* ‘under’ as a separate word. In more recent variants, the head noun and postposition are usually written together as one word, with a formative *n* between them. This *n* is the Ingrian marker of the genitive case that was later re-analyzed as the initial consonant of the postposition (*alla* > *nalla*).

The research has revealed that even in the variants recorded from the same speaker, the combination of Votic and Ingrian elements is almost arbitrary. The Votic-Ingrian ratio is not as much a characteristic of the idiolect, but rather a characteristic of a particular text. Therefore, the idiolect cannot be considered as a minimal sociolinguistic object. The author introduces the notion of “variolect” as a language variant with a particular ratio of languages in contact that characterizes a given speech sample.

The mixing of Votic and Ingrian in the western Votic villages is a vivid example of iterative convergence. The Lower Luga Ingrian that emerged as a convergent variety on the basis of several Finnic languages (Ingrian and Votic, most of all), gives birth to new contact varieties when acquired by Votic speakers.

Keywords: Votic, Ingrian, language contacts, convergence, borrowings

Работа выполнена при финансовой поддержке Тартуского университета (грант PHVEE18904).

1. Предварительные замечания¹

Идея данного исследования возникла у автора статьи спонтанно. Причиной послужил пост в социальной сети «Фейсбук», в котором директор Общества водской культуры Екатерина Кузнецова привела видеозапись мальчика, читающего на водском языке одну из так называемых «кумулятивных рун»² *Kuza piirpu?* «Где трубка?». Видеозапись сопровождалась расшифровкой и переводом³. Начиналась она так:

Kuza piirpu?	Где трубка?
Aitan alla.	Под забором (сараем).
Kuza aita?	Где забор (сарай)?
Tuli põlõtti.	Огонь сжег.

У любого человека сразу возникает вопрос, почему в переводе после слова «забор» указан вариант «сарай». Того же, кто знаком с прибалтийско-финскими языками, также удивит и форма генитива *aitan*, которая содержит показатель *-n*, отсутствующий в южной ветви прибалтийско-финских языков (в частности, в водском). Ответ на эти вопросы, предполагающий ошибку автора поста, будет неверен, потому что за этими, казалось бы, совсем частными вопросами (о переводе «забор» vs «сарай» и о формате *n* в послеложной конструкции) кроется неординарная ситуация языковых контактов, затрагивающая общие проблемы многоязычия и связанную с ней лингвистическую теорию.

Целями данной работы являются: (а) ответ на два указанных вопроса, (б) анализ некоторых аспектов водско-ижорских языковых контактов, (в) пополнение терминологической базы социолингвистики.

Структура работы следующая. В разделе 2 дается краткий обзор водско-ижорских языковых контактов. В разделе 3 описываются использованные данные. Далее рассматриваются два отмеченных сюжета, касающихся руны *Kuza piirpu?*: появление в ней слова «забор» (раздел 4) и структура конструкции «генитив существительного плюс послелог» (раздел 5). В разделе 6 обсуждается проблема смешения близкородственных языков и вводится понятие «вариолекта». В разделе 7 кратко формулируются основные выводы. В Приложении 1 содержатся комментарии к публикуемым в статье материалам, Приложение 2 содержит иллюстрацию к обсуждаемой в статье геминии в послеложных конструкциях.

2. Структура водско-ижорских языковых контактов

Языковые контакты в Западной Ингерманландии неоднократно обращали на себя внимание исследователей (см., например, [Ariste 1975; Лаанест 1977; Ariste 1981: 52—63; Haarmann 1984a, b; Savijärvi 1998; Муслимов 2005]), однако всеобъемлющего описания водско-ижорских языковых контактов пока не существует. В этом разделе я кратко остановлюсь только на тех аспектах, которые важны для данной статьи.

Западная Ингерманландия представляет собой контактную зону четырех прибалтийско-финских языков (водского, ижорского, финского и эстонского), а также неродственного им русского. Водь и ижора являются автохтонным населением этой территории⁴. С XVII века происходило активное заселение Ингерманландии финнами (существующие в настоящее время ингерманландские диалекты финского заметно отличаются от литературного языка). На западной границе нижнелужского ареала имело место маргинальное контактирование с эстонцами [Муслимов 2005: 14—15]⁵.

В отличие от эстонцев и финнов, водь и ижора приняли православие (см. [Västrik 2007]), что способствовало смешанным водско-ижорским бракам.

В результате взаимодействия всех названных языков (но в наибольшей степени водского и ижорского) в районе нижнего течения реки Луги сформировался специфический конвергентный идиом, называемый нижнелужским диалектом ижорского языка. Он существенно отличается от других ижорских диалектов⁶

¹ Автор выражает признательность анонимным рецензентам и коллегам, которые высказали много ценных замечаний к черновым вариантам статьи: Владимиру Ивановичу Беликову, Елене Борисовне Маркус, Мехмеду Закировичу Муслимову и Энну Эрнитсу. Автор также благодарен Александре Павловне Родионовой и Марии Владимировне Кундозеровой за помощь при анализе карельских рун.

² Кумулятивная руна (см. [Народные песни Ингерманландии 1974: 9]) строится из структурно повторяющихся элементов, в данном случае — из чередующихся вопросов и ответов.

³ Впоследствии текст руны и перевода был отредактирован.

⁴ На тему того, мигрировала ли ижора в Ингерманландию или является ее исконным населением, высказывались разные точки зрения, см., например, [Savijärvi 1998: 271].

⁵ Эстонцы жили и в других частях Ингерманландии, см., например, [Ariste 1981: 59; Kuznetsova et al. 2015: 133].

⁶ См., например, [Лаанест 1966: 146].

(в частности, от территориально близкого сойкинско-водского диалекта) прежде всего фонетико-фонологической системой (которая значительно ближе к водскому языку), но также лексикой, а в определенной степени и грамматикой. Нижнелужский ижорский характеризуется высокой степенью вариативности.

Как минимум с XVIII века, когда появились первые письменные свидетельства исследователей этих народов, в нижнелужском ареале происходила постоянная ижоризация води⁷, которая проявлялась (а) в переходе води на нижнелужский ижорский, (б) в проникновении ижорских элементов в западные говоры водского языка, (в) в смене идентичности с водской на ижорскую.

В качестве наиболее яркой иллюстрации этого процесса можно привести упоминание ряда водских деревень (Извоз, Манновка, Кейкино, Орлы, Федоровка) на реке Луге в [Trefurt 1785: 115]. Зная, что признаком водского языка является переход *k* в *tš* перед гласными переднего ряда, исследователь вряд ли мог допустить ошибку в лингвистической (и, соответственно, этнической) идентификации деревень. Однако в XX веке жители этих деревень уже разговаривали на нижнелужском ижорском, а не на водском.

Известным среди исследователей Западной Ингерманландии является пассаж из статьи водского лингвиста Д. Цветкова, где он отмечает, что когда водский мужчина приводит в свою семью ижорскую невесту, то вся семья, включая старшее поколение, переходит с водского на ижорский язык [Tsvetkov 1925: 43]. Описанная Д. Цветковым ситуация может показаться несколько странной: почему вдруг вся семья отказывается от родного языка, а невеста остается при своем? На самом деле процесс смены языка был немного другим. Ижорские невесты, действительно, были частым явлением в водских деревнях: с соседнего Сойкинского полуострова, деревни которого были беднее, чем водские, многие молодые девушки устраивались работницами в более богатые водские деревни, а потом нередко выходили замуж за водских мужчин. Однако для коммуникации использовался вовсе не сойкинско-ижорский, который, заметим, имеет очень нетривиальную фонетику с тройным контрастом согласных по длительности, не представленным в водском языке. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо примеров записи сойкинско-водского диалекта в водских деревнях. Общение между водью и ижорой происходило на *lingua franca* этой местности — относительно простом с фонетической точки зрения конвергентном идиоме, каковой и был впоследствии назван нижнелужским диалектом ижорского⁸. То есть не только водская семья меняла свой язык общения, но и сойкинская девушка тоже переходила на близкородственный, но все же отличающийся от родного идиом. Неудивительно, что в такой ситуации нижнелужский ижорский стал известен практически всему населению водских деревень.

Показательно, что в материалах [Körpen 1867] не содержится данных об ижоре в западноводских деревнях (Краколье, Пески, Лужицы), хотя к началу XXI века в этих деревнях количество людей, у которых основным языком был водский и у которых основным языком был ижорский, было сопоставимо.

С начала 1930-х до 1937 года на фоне политики поддержки малых народов ижорский язык преподавался более чем в двадцати школах Ингерманландии [Мусаев 2004: 248]. Водские дети (язык которых так и остался бесписьменным) тоже посещали эти школы и учили ижорский язык как родной. Это, естественно, повышало престиж ижорского языка и способствовало закреплению у води этнической идентификации «ижора» (так, например, носительница водского языка П. Я. Карташова⁹ говорила, что сама она ижора и ее язык ижорский)¹⁰.

К концу XX века «чистых» водских деревень уже не осталось: в них жили либо носители водско-ижорского языка вместе с носителями ижорского (Лужицы, Краколье), либо только носители ижорского (Межники).

3. Данные

В качестве материала в исследовании используются два типа данных. Во-первых, это варианты рассматриваемой руны, приведенные в публикациях предшествующих исследователей (прежде всего, в монографии [Ariste 1986]), во-вторых, полевые записи автора статьи.

⁷ Существенное влияние ижорского языка на водский неоднократно отмечалось исследователями, см., например, [Ленсу 1930: 202; Хейнсоо 1995: 177—180].

⁸ Для деревень, где водский язык сохранялся во второй половине XX века, об этом имеются прямые свидетельства. Для деревень нижнелужского ареала, где к этому моменту использовался только ижорский язык, это можно предполагать, основываясь на данных Трефурта и современной языковой ситуации.

⁹ Подробности о носителях водского языка приведены в разделе 3.

¹⁰ Ср. с примером, записанным М. З. Муслимовым от кракольского жителя: «А Вам какой ижорский язык нужен? Их у нас два» [Муслимов 2012: 166].

В [Ariste 1986] руна *Kuza piirpu?* приводится в восьми вариантах, записанных от семи носителей водского языка. Двое из этих носителей проживали в деревне Лужицы, четверо в деревне Пески¹¹, а одна в деревне Межники. Еще один вариант этой руны, записанный от носительницы из Краколье, мы встречаем в [Ariste 1960: 50]. Два варианта руны приводятся в [Mägiste 1959: 111, 170]: один вариант записан в Раннолово¹², другой в Песках. Далее в статье варианты рун обозначаются по инициалам рассказчиков (см. таблицу 1).

Таблица 1. Рассказчики руны и обозначения, принятые в данной статье

Имя, место рождения и год рождения рассказчика ¹³	Обозначение рассказчиков и рун	Год записи руны	Группа говоров
Мария Николаева, д. Раннолово, ~1858	МН	1943	центральная
Отю Леонтьева, д. Пески, ~1887	ОЛ	1943	западная
Матё Герасимова, д. Краколье, ~1883	МГ	1947	западная
Костя Леонтьев, д. Пески, 1908	КЛ-1, КЛ-2	1960, 1975	западная
Оудекки Фигурова, д. Краколье, 1891	ОФ	1966	западная
Дуня Трофимова, д. Лужицы, 1908	ДТ	1968	западная
Иво Леонтьев, д. Лужицы, 1899	ИЛ	1968	западная
Надёжа Леонтьева, д. Пески, 1898	НЛ	1973	западная
Аню Крыжовских, д. Пески, 1910	АК	1973	западная
Насто Андреева, д. Пески, 1910	НА	1978	западная

Более ранние публикации рассматриваемой руны — это записи, сделанные О. А. Ф. Мустоненом в деревне Краколье в 1882 году и Ф. Алава в деревне Маттия¹⁴ в 1901 году (см. [Mustonen 1883: 161—162; Salminen 1928: 747, 769; Salminen 1929: 85]). В данных публикациях рассказчик не указан, и мы обозначаем эти варианты как Must и Alava соответственно.

Мои собственные полевые данные представлены тремя вариантами той же руны, записанной от носительницы водского языка Прасковьи Яковлевны Карташовой (1928—2018), последней песоцкой носительницы языка, способной бегло разговаривать на водском. Поскольку этот материал ранее не публиковался, здесь приводятся полностью все три варианта руны (таблица 2). Записи на диктофон были сделаны в 2002, 2004 и 2012 годах. В Приложении 1 приводятся комментарии, касающиеся системы записи и перевода.

Таблица 2. Варианты руны от Прасковьи Яковлевны Карташовой

ПК-1 (2002)	ПК-2 (2004)	ПК-3 (2012)	Перевод
kuz piirpu?	kuza piirpu?	kuza piirpu?	Где трубка?
aitennallē.	aijennallē.	aijenallē.	Под амбаром / забором.
kuz aittē?	kuza aittē?	kuza aittē?	Где амбар / забор?
tuli poltti.	tuli peletti.	tuli poltti.	Огонь спалил.
a kuz tuli?	kuza tuli?	kuza tuli?	Где огонь?
vesi sammutti.	vesi sammutti.	vesi sammutti.	Вода погасила.

¹¹ Соседние деревни Лужицы и Пески были в 1970-х годах объединены в одну деревню Лужицы [Эрните 2006: 1]. Возможно, в речи носителей лужицкого говора было чуть больше ижорского влияния, чем в речи носителей песоцкого говора, однако какого-то яркого и последовательного контраста между их речью не наблюдалась (по крайней мере, со второй половины XX века). В данной статье я не провожу различия между отдельными водскими говорами нижнелужского ареала.

¹² Мы включаем в рассмотрение этот вариант, хотя в строгом смысле он относится не к *Kuza piirpu?* «Где трубка?», а к более широкому классу *Missä voi?* «Где масло?». От других водских вариантов *Kuza piirpu?* его отличают фактически лишь первые строки *Kuza vei?* *Katti sei.* *A kuz on katti?* «Где масло? Кошка съела. А где кошка?», не являющиеся существенными для настоящего исследования.

¹³ Место записи руны иногда отличается от места рождения рассказчика. Так, запись Марии Николаевой сделана в деревне Котлы (у Ю. Мягисте указана как *Kattila-Suurõtsa*), а Оудекки Фигурова жила в деревне Межники. Для Отю Леонтьевой и Аню Крыжовских место рождения эксплицитно не указано, но, скорее всего, оно совпадает с местом проживания.

¹⁴ Говор этой деревни относится к центральной группе.

¹⁵ Почему второй гласный в этой форме *e*, а не *i*, непонятно. Вполне возможно, что это просто оговорка.

ПК-1 (2002)	ПК-2 (2004)	ПК-3 (2012)	Перевод
a kuz on vesi?	kuza vesi?	kuza vesi?	Где вода?
härkä rüüppäiz.	ärtšä rüüppez’.	härkä rüüppez.	Бык выхлебал.
a kuz härkä?	a kuza ärtšä?	kuza härkä?	Где бык?
niitüll makajä.	niitüll makkab.	niitüll makaja.	На покосе спит.
a kuz on niittü?	kuza niittü?	kuza niittü?	Где покос?
vikahtä viippäiz.	vikahtä viippeiz.	vikaht viippeiz.	Коса скосила.
a kuz vikahtä?	kuza vikahtä?	kuza vikahtä?	Где коса?
kannon äärez.	kannon äärezä.	kannon äärez.	Возле пня.
a kuz on kanto?	kuza kanto?	kuza kanto?	Где пень?
karu repi.	karu repi.	karhu repi.	Медведь вырвал.
a kuz on karu?	kuza karu?	kuza karhu?	Где медведь?
meez ampu.	meez ampu.	meez ampu.	Мужик застрелил.
a kuz on meez?	kuza meez?	kuza meez?	Где мужик?
mettsä maottu.	a mettsä maottu.	mettsä maottu.	В лесу зачервивел (т. е. сгнил).
a kuz on maod?	kuza maod?	kuza on maod?	Где черви?
kukko nokki.	kukko nokki.	kukko nokki.	Петух склевал.
a kuz on kukko?	a kuza kukko?	kuza kukko?	Где петух?
lensi üli ühesemen meren.	lensi üli üheseme mere.	lensi üli ühesemen meren.	Улетел за девятое море.
kivisell kintall	tšivizill tšintall	kivisill kintall,	Каменными рукавицами,
i saappizill saa...	i savizill saappagoill.	savezill ¹⁵ saappail.	Глиняными сапогами.
savikkai saappail.			

Данная руна известна и в соседних прибалтийско-финских языках. Так, в базе данных Общества финской литературы я нашел 24 варианта руны «Где трубка?», из которых один является упомянутым водским вариантом, записанным В. Алава, три варианта записаны на Сойкинском полуострове, три в районе Нижней Луги, четыре в районе Котлов, но большинство — на территории современной Финляндии и Карельского перешейка [SKVR 2020]. В. Салминен [Salminen 1929: 85—86] относит эту руну к типу *Missä voi?* «Где масло?», указывая, что вариант с трубкой не мог появиться раньше 1600 года, и отмечает, что водские варианты являются прямыми переводами восточно-ингерманландских вариантов (в число которых попадают и ижорские руны, записанные на Сойкинском полуострове).

Следует подчеркнуть, что исходное происхождение руны не является существенным для предлагаемого исследования, поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе. Основное внимание будет уделяться контактными явлениям, отличающим водский язык конца XIX — начала XX века от более позднего.

4. О лексеме «забор»

В приведенных выше переводах второй и третьей строк руны (см. ПК-1, ПК-2 и ПК-3 в разделе 3, а также вариант, приведенный Екатериной Кузнецовой, в разделе 1) встречаются три сущности: «забор», «сарай» и «амбар».

С определенной степенью уверенности можно предположить, что появление в переводе Е. Кузнецовой слова «сарай» — это всего лишь неточность. Те водские слова, которым соответствует понятие ‘сарай’ (прежде всего, это заимствование *saraja* ‘сарай’ и производные типа *einä-saraja* ‘сенной сарай, сеновал’ [Vadja keele sõnaraamat 2013: 190, 1103]) во всех известных нам вариантах рассматриваемой руны отсутствуют.

Но, действительно, в различных вариантах руны мы наблюдаем разные слова как в водском тексте, так и в переводе. Слово ‘амбар’ (эст. *ait*) у П. Аристе появляется в переводах рун от ДТ и НЛ.

ДТ	НЛ	
kus rīppu? ¹⁶	kuza rīppu?	Где трубка?
aitannalla.	aitannalla.	Под амбаром.
kuza aitte (aitta)?	kuza aitta?	Где амбар?
tuli rēletti.	tuli rēletti.	Огонь спалил.

¹⁶ Здесь и далее при цитировании я сохраняю исходную систему записи источника. По-видимому, исключительного к конвенциональным, а не содержательным различиям относятся: (а) обозначение долгого гласного или ко-

Однако *aitta* ~ *aittā* вовсе не является обычным водским словом для амбара. Мы не находим его в словаре [Tsvetkov 1995], а в наиболее полном водском словаре [Vadja keele sõnaraamat 2013: 103] оно фиксируется только для деревень Краколье и Куровицы с пометой, что это вероятное заимствование из ижорского. Обычное водское слово для амбара это *ratiz* ~ *ratti*¹⁷, и именно его мы встречаем в вариантах КЛ-1, МГ, ОЛ, МН, Must и Alava.

КЛ-1, МГ	ОЛ	Must	
kuza rīppu?	kuza rīppu?	kusa on piippu?	Где трубка?
rattīnalla.	rattīn_a:ллэ.	rattii alla.	Под амбаром.
kuza ratiz?	kuza ratis?	kuza ratis?	Где амбар?
tuli rēļetti.	tuli rēļetti.	tuli rōļōtti.	Огонь спалил.

Alava	
kuss sinuu piippu?	Где твоя трубка?
rattii alla.	Под амбаром.
kuza se on ratis?	Где этот амбар?
tuli rēļetti.	Огонь спалил.

МН	
kuza vēi?	Где масло?
katti sei.	Кошка съела.
a kuz_о҅_katti?	А где кошка?
a rattī алла.	Под амбаром.
a kuza ratiz?	А где амбар?
tuli rēļetti.	Огонь спалил.

Это же слово появляется и во втором варианте от КЛ, но не сразу. Вариант этот выглядит так:

КЛ-2	
kuza rīppu? //	Где трубка?
aijannalle //	Под забором.
kuza aita? //	Где забор?
vot / i unohtin //	Вот и забыл...
kuza rīppu? //	Где трубка?
rattīnnaļ //	Под амбаром.
kuza ratiz? //	Где амбар?
tuli rēļetti //	Огонь спалил.

Рассказчик начинает руну, после первых трех строчек сбивается и говорит *vot i unohtin* 'вот и забыл', а потом повторяет первые строки, используя водское слово 'амбар'. Начинает же он руну со словом *aita* ~ *aitā* 'забор'¹⁸. Это же слово мы наблюдаем и в вариантах ОФ, ИЛ и НА (П. Аристе переводит это водское слово эстонским *aed* или — для ИЛ — *tara*¹⁹).

нечного сильного (геминированного) согласного двумя литерами или диакритическим знаком, (б) обозначение ы-образного гласного как *e* или *ō*.

¹⁷ У некоторых носителей водского произошло выравнивание, и слово *ratiz* с генитивом *ratti* и партитивом *rattissā* стало склоняться, как слова наиболее частотного парадигматического класса: *ratti*, *rati*, *rattia*.

¹⁸ Следует обратить внимание, что водское слово *aitā* более точно следовало бы переводить как «изгородь»: такой перевод лучше бы соответствовал его исходному значению, поскольку заборы в современном понимании (то есть 'ограда в виде стены из досок') раньше обычно не использовались. Тем не менее, в современном водском языке слово *aitā* может обозначать и забор. Поэтому в переводах я везде использую слово «забор» как более привычное для современного русскоязычного читателя.

Некоторые носители нижнелужского ижорского различали значения слов *zabor(ā)* и *ait(ā)*. Первое из них, являющееся заимствованием из русского, означает 'забор, сколоченный из досок', а второе значит 'изгородь, столбы с прибитыми к ним поперечными жердями'.

¹⁹ Почему П. Аристе выбирает разные переводы, не совсем ясно. Вероятно, слово *aed* ему показалось уместным как однокоренное с водским *aita*, но в эстонском это слово также означает 'сад', и поэтому в другом случае он остановил свой выбор на слове *tara*, которое лишено такой неоднозначности.

ОФ	ИЛ	НА	
kuza rīppu?	pirkko, kuza rīppu?	kõal ²⁰ eli rīppu? //	[Пиркко,] где [была] трубка?
aijanalla.	aijenalla.	aijanalla //	Под забором.
kuza aita?	kuza aita?	a kõal eli aita? //	Где [был] забор?
tuli rēletti.	tuli rēletti.	tuli poltti //	Огонь спалил.

Наконец, в руне от АК мы видим смешение «забора» и «амбара»²¹:

АК	
kuš rīppu?	Где трубка?
aijan alla.	Под забором.
kuš aitta?	Где амбар?
tuli rēletti.	Огонь спалил ²² .

Записанные нами варианты от ПК тоже оказываются не гомогенными с этой точки зрения. В вариантах ПК-2 и ПК-3 мы встречаем ‘забор’:

kuza rīppu?	Где трубка?
aijen(n)allā.	Под забором.
kuza aittā?	Где забор?
tuli rēletti ~ poltti.	Огонь спалил.

В варианте ПК-1 фигурирует ‘амбар’:

kuz rīppu?	Где трубка?
aitennallā.	Под амбаром.
kuz aittā?	Где амбар?
tuli poltti.	Огонь спалил.

В таблице 3 приводятся формы слов ‘амбар’ и ‘забор’ для трех идиомов: сойкинського диалекта ижорского, нижнелужского диалекта ижорского и песочко-лужицкого говора водского²³.

Таблица 3. Слова «забор» и «амбар» в ижорском и водском языках

	Амбар		Забор	
	Номинатив	Генитив	Номинатив	Генитив
Сойкинский ижорский	aitta	aidan	aida	aijan
Нижнелужский ижорский	aittä(ä)	aitän	ait(ä)	aijăn
Водский	ratiz ~ ratti	ratti ~ rati	aitä	aija

Как несложно заметить из таблицы 3, в ижорском языке «забор» и «амбар» близки по звучанию. Для вожан, в языке которых слово «амбар» звучало совсем по-другому, ижорский «амбар» был по звучанию ближе всего к собственному «забору». Это, по-видимому, привело к путанице, и в результате в руне исходный «амбар» заменился на «забор».

²⁰ П. Аристе отмечает феноменальность слова *kõal* ~ *kual*, но не объясняет, почему он записывает его именно таким образом [Ariste 1986: 58].

²¹ Обратное смешение «забора» и «амбара» наблюдается в варианте, приведенном Екатериной Кузнецовой (раздел 1): там во второй строке фигурирует *aitan* ‘амбар.GEN’, а в третьей *aita* ‘забор’ (хотя перевод ‘забор’ дается в обеих строках).

²² В [Ariste 1986: 21] перевод на эстонский выглядит так: *Kus piip?* / *Aia all.* / *Kus ait?* / *Tuli põletas.*

²³ Обратим внимание, что во всех указанных идиомах существует редукция исходно краткого гласного [a] в первом слоге, и в каждом идиоме она устроена по-своему, что не позволяет использовать единую транскрипционную систему. Поскольку в сойкинском ижорском редукция часто проявляемая (то есть не фонологизированная), то мы ее не обозначаем. Для нижнелужского ижорского, где фонологизированность редукции существенно варьирует (в том числе в зависимости от идиолекта), мы используем для редуцированного гласного символ *ä*. В водском редукция полностью фонологизировалась, хотя конечный редуцированный демонстрирует большую фонетическую вариативность, чем другие гласные.

Ошибочное появление «забора» подтверждается тем фактом, что он не встречается в базе данных Общества финской литературы [SKVR 2020] ни в руне *Kuza piippu?*²⁴, ни в близкой к ней *Missä voi?*. То есть «забор» оказывается спецификой водских вариантов руны, причем исключительно тех, которые (а) записаны в западноводских, а не центральноводских деревнях, (б) датируются не ранее, чем второй половиной XX века.

Косвенным аргументом в поддержку гипотезы об исходном «амбаре» является и способ его исчезновения в сюжете руны: он сгорает. Для амбара такой конец представляется вполне естественным. Для забора же он выглядит несколько странным: все же забор чаще не сгорает, а падает, разваливается и т. п.

Таким образом, можно с большой степенью уверенности утверждать, что появление в руне «забора» является инновацией, возникшей в результате замены ижорского слова «амбар» на наиболее близкое ему по звучанию слово «забор».

5. Послеложная конструкция

В таблице 4 представлены варианты написания послеложной конструкции ‘под амбаром/забором’ в рунах, опубликованных исследователями водского языка.

Таблица 4. Послеложная конструкция в различных вариантах руны

Источник	‘под амбаром’	‘под забором’
Mustonen 1883: 746 / Salminen 1928: 747	rattii alla	
Alava (запись 1901 года) цит. по Salminen 1928: 769	rattii alla	
Mägiste 1959: 111 (МН)	rattī алла	
Mägiste 1959: 170 (ОЛ)	rattīn_аллѐ	
Ariste 1960: 50 (МГ)	rattīналла	
Ariste 1986: 16 (КЛ-1)	rattīналла	
Ariste 1986: 39 (ОФ)		aijanалла
Ariste 1986: 9 (ДТ)	aitанналла	
Ariste 1986: 13 (ИЛ)		aijenалла
Ariste 1986: 18 (НЛ)	aitанналла	
Ariste 1986: 21 (АК)		aijan алла
Ariste 1986: 16—17 (КЛ-2)	rattīnnaī	aijannаллѐ
Ariste 1986: 19 (НА)		aijanалла

Как несложно заметить, помимо различных вариантов лексемы эти написания различаются по трем признакам:

1. Слитное или раздельное написание. В ранних записях и в одном варианте из [Ariste 1986] написание раздельное. В [Mägiste 1959] так записан один вариант, в другом же между существительным и послелогом стоит соединительная дужка. В остальных вариантах из [Ariste 1986] и в [Ariste 1960] написание слитное.

2. Наличие *-n-* между существительным и послелогом. Этот форматив отсутствует в ранних записях, есть у Аристе, а у Мягисте встречается в западноводском, но не в центральноводском варианте.

3. Геминированное *-nn-* (наблюдается в обеих конструкциях с лексемой *aittā* ‘амбар’, и по одному разу с лексемами *rattiz* ‘амбар’ и *aitā* ‘забор’).

Описывая в грамматике серийный послелог *alā* ‘под (куда)’, *alla* ‘под (где)’ и *alta* ‘из-под’, П. Аристе отмечает: «Перед этим послелогом может сохраняться *-n-*, показатель исторического генитива. В то же время имя и послелог стали единым целым, как, например, в *akkunpalā* ‘наружу’, *lavezenalla* ‘под скамейку’» [Ariste 1968a: 109]. Рассматривая появление генитивного окончания *-n* у имен, стоящих перед определенными словами [Ariste 1968a: 18], П. Аристе, однако, не указывает диалектную принадлежность приводимых примеров. Тем самым, остается непонятным, наблюдалось ли окончание исторического генитива в центральных водских говорах или же это скорее свойство западных говоров. По-

²⁴ Из 24 просмотренных мной вариантов руны лексема *aitta* ‘амбар’ наблюдалась в 21 случае. По одному разу встретились лексемы *riihi* ‘рига, овин’ и водское *ratis* ‘амбар’. В одном варианте руны этот фрагмент вообще отсутствовал.

скольку последние активно контактировали с ижорским языком, я предполагаю, что наличие *-n* обусловлено влиянием ижорского языка.

Явных свидетельств существования *-n* в центральноводских говорах не обнаруживается. Так, в грамматике А. Аלקвиста мы встречаем только послелог *alla*, следующий за обычной водской формой генитива без показателя, например *uhsê' alla* 'под дверью' [Ahlqvist 1856: 91]. В сборнике водских текстов Л. Кеттунена и Л. Пости мы находим формы с *-n* в переводах Д. Цветкова (носителя кракольского говора), но не в оригинальных центральноводских текстах, например, *sillä alā* 'под полом' в оригинальном котельском тексте и *sillen nallā* в варианте Д. Цветкова [Kettunen, Posti 1932: 32—33].

Объяснению П. Аристе противоречит рассматриваемая руна: если бы *-n* являлся архаичным элементом, то его появление ожидалось бы в первую очередь в ранних вариантах руны. Однако мы наблюдаем его в поздних вариантах. Более того, отсутствие *-n* наблюдается только в конструкциях с обычным водским словом для амбара (*ratiz*), в то время как пришедшее из ижорского *aitta* 'амбар' и связанное с ним *aita* 'забор' встречаются только вместе с *-n*.

Предположив сохранение архаичного показателя генитива, мы могли бы ожидать его появления и в других случаях, в том числе и перед другими послелогам. Однако в нашем материале таких случаев не наблюдается²⁵.

Таким образом, можно утверждать, что в западноводских говорах произошло переразложение заимствованной из ижорского конструкции: существительное, оформленное ижорским показателем генитива *-n* перед послелогом *all ~ allā ~ alla* 'под' стало восприниматься как немаркированный водский генитив с послелогом *nall ~ nallā ~ nalla*²⁶. Это переразложение возникло именно в западноводских говорах и является инновацией²⁷. Вариант *ratti alla* 'под амбаром', отмеченный в ранних рунах, следует признать архаичным: в более поздних рунах он не появляется, уступив место конструкциям с элементом *n*, а нередко и с другим существительным.

Из этого следует, что с точки зрения морфо(но)логии для поздних вариантов правильнее было бы использовать запись *rattī nalla* и *aija nalla*. Раздельная же запись послелога с предшествующим существительным, оформленным показателем *-n*, которую мы наблюдаем в вариантах АК (*aijan alla*) и ОЛ (*rattin allē*), плохо интерпретируется в грамматической системе водского языка²⁸.

Однако запись руны у предшествующих исследователей очевидным образом ориентирована не на морфологию, а на фонетику: в большинстве случаев мы встречаем слитное написание существительного с послелогом²⁹.

Фонетическая направленность транскрипции также следует из того факта, что в четырех вариантах у П. Аристе мы наблюдаем геминату (при том, что показатель генитива — это исключительно одиночное *-n*). Объяснением тут может служить процесс изменения количества согласного в сандхи. Этот процесс отмечался исследователями в родственных языках. Так, в эстонском «в начале непервого подслова сложного слова *p, t, k, s* подвергаются либо фонетической геминации, либо ослаблению», например, *kellašep* 'часовщик' < *kella* 'часы' + *sep* 'кузнец' [Вийтсо 1979: 15—16]. Усиление согласного наблюдается и в нижнелужском ижорском [Кузнецова 2009: 187].

Суть этого процесса состоит в том, что начальный согласный второго слова в паре, образующей единый фонетический комплекс³⁰, усиливается. То есть одиночный согласный может продлеваться, превращаясь в геминату.

Хотя данный процесс описывался только для начального согласного второго слова, он возможен и для конечного согласного первого слова³¹. Так, в речи одной носительницы сойкинского ижорского за-

²⁵ В том числе и перед послелогам *ēz ~ ēzā* 'перед', *ette ~ etee* 'вперед' и *ēss ~ ēssā ~ ēssä* 'спереди', для которых, согласно П. Аристе, характерно данное явление [Ariste 1968a: 18].

²⁶ Так же изменились и другие послелогии этой серии: *nala ~ nallā* 'под (куда)' и *nalt ~ naltā ~ nalta* 'из-под'.

²⁷ Я не берусь определить период, когда возникло это переразложение. Язык рун, являющихся фольклорным материалом, может быть более архаичным по сравнению с разговорным языком. Судя по тому, что мы наблюдаем *-n* у Д. Цветкова, процесс переразложения шел уже в начале XX века.

²⁸ Что касается слова *aitta* 'амбар', то тут ситуация менее очевидная. Подробнее она будет рассмотрена в разделе 6.

²⁹ Слитное написание в транскрипции, ориентированной на морфо(но)логию, означало бы, что послелог грамматизировался и стал падежным окончанием. Однако такая идея исследователями водского не высказывалась (по всей видимости, вполне обоснованно).

³⁰ В данном случае я не готов привести независимые критерии, позволяющие определить, в каком случае такой комплекс образуется, а в каком нет. Это требует специального исследования.

³¹ Тем самым, наличие геминаты не может служить критерием для проведения границы между словами.

фиксированы случаи произнесения геминаты на стыке генитива существительного с рассматриваемым послелогом³².

Таким образом, независимо от того, где проводится граница между существительным и послелогом, запись с геминатой (*aijannalla* ‘под забором’ или *aitannalla* ‘под амбаром’) представляется оправданной с точки зрения фонетики.

Следует подчеркнуть, что усиление согласного на стыке слов не является обязательным. Так, из трех вариантов руны, записанных от ПК, в первых двух наблюдается гемината, а в третьем — одиночный согласный. Длительность [n] в этих вариантах составляет соответственно 200, 255 и 110 мс.

В материалах П. Аристе геминированный [n] наблюдается в рунах ДТ, НЛ, КЛ-2, а одиночный — в рунах МН, КЛ-1, ОФ, ИЛ, НА, АК, причем в последнем случае [n] отнесен к существительному, а послелог записан отдельно.

Аудиозаписи, сделанные П. Аристе, по-видимому, не сохранились, и возможность сопоставить имеющуюся транскрипционную запись со звучащей речью, а также измерить длительность [n] отсутствует. Но есть, например, аудиозапись рассматриваемой руны, рассказанной Оудекки Фигуровой в 1968 году³³, то есть на два года позже записи П. Аристе. В этой записи длительность [n] составляет 110 мс, что соответствует одиночному согласному³⁴.

Недостаток материала не позволяет мне ответить на вопрос, как с точки зрения фонетики происходило описанное перераспределение (то есть перемещение *n* от существительного к послелогу). Однако материал, записанный от упомянутой выше сойкинской носительницы, наводит на мысль, что геминатия на стыке слов могла способствовать этому процессу (см. Приложение 2).

6. О смешении языков и понятии вариолекта

Обратим внимание на варианты руны, записанные от П. Я. Карташовой. Как уже было отмечено выше, они различаются лексемой «амбар» (ПК-1) vs «забор» (ПК-2 и ПК-3) и длительностью *n* в послеложной конструкции (долгий в ПК-1 и ПК-2 и краткий в ПК-3). Однако в них также наблюдается целый ряд других расхождений, например *poltti* vs *peletti* ‘сжег’, *kuz* vs *kuza* ‘где’, *makaja* vs *makkab* ‘спит’. Почти все они связаны с различием ижорского и водского языков. Это позволяет разделить всю руны на элементы, которые относятся к одной из следующих категорий:

1. Элементы, исторически общие для обоих языков и, тем самым, не противопоставляющие водский и ижорский. Например, *vesi* ‘вода’, *meez* ‘мужчина, мужик’, *tuli* ‘огонь’, *kukko* ‘петух’. Такие элементы составляют большую часть руны.

2. Ижорские элементы, которые закрепились в водском языке и на синхронном уровне уже должны рассматриваться как относящиеся к предыдущей категории. Так, например, в ранних рунах для ‘погасил’ используется водская форма *kusutti*, а в материалах П. Аристе и рунах ПК мы видим ижорскую по происхождению форму *sammutti* [Ariste 1986: 49—50].

3. Отличающиеся друг от друга водские и ижорские элементы. В таблице 5 представлен список таких элементов. В колонке «Руна» указан вариант руны от ПК (1 для ПК-1 и т. д.).

Как видно из таблицы 5, распределение водских и ижорских черт в трех вариантах руны нетривиально. Ни один из вариантов нельзя считать «чистым» водским или ижорским языком. Вариант ПК-1 содержит преимущественно ижорские черты, вариант ПК-2 преимущественно водские, а ПК-3 содержит черты обоих языков с некоторым преобладанием ижорских³⁵.

Примеры варьирования в использовании ижорских vs водских форм встречаются, естественно, не только в фольклорных текстах. Сравним рассказ, записанный Т. Б. Агранат в 1995 году от носительницы водского языка Татьяны Федоровны Прокопенко [Агранат 2007: 174], с другой записью того же рассказа от той же носительницы, сделанной автором данной статьи в 2002 году [Маркус, Рожанский 2017: 101].

³² Я очень признателен Н. В. Кузнецовой за то, что она обратила мое внимание на этот факт. Замечу, что в речи других носителей сойкинского ижорского такого выраженного геминирования я обнаружить не смог.

³³ Запись сделана Эйно Киуру и хранится в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (<http://phonogr.krc.karelia.ru/>), магнитная лента номер г1469а, трек 9.

³⁴ С лексической и грамматической точки зрения этот вариант руны полностью совпадает с тем, который приведен в [Ariste 1986: 39]. Правда, в этой аудиозаписи наблюдается очень выраженная редукция конечных гласных (*aitä* ‘забор’, *ärčä* ‘бык’ и т. д.), которая не отражена в транскрипционной записи П. Аристе. По всей видимости, это объясняется особенностями используемой им системы транскрипции.

³⁵ Смешение водских и ижорских черт не является исключительной особенностью данной рассказчицы. Так, например, ижорскую форму *poltti* ‘сжег, спалил’ мы встречаем в рунах НА.

Таблица 5. Различающиеся водские и ижорские элементы в вариантах руны ПК

Глосса	Водский	Руна	Ижорский	Руна
спалить.PST.3SG	peleŋti	2	poltti	1, 3
бык	ärčə	2	härkä	1, 3
хлебать.PST.3SG	rüüppez	2, 3	rüüppäiz	1
спать.PRS.3SG	makkab	2	makaja	1, 3
коса	vikahtä	1, 2, 3	² viikah(h)e	
пень.GEN	kanno		kannon	1, 2, 3
медведь	karu	1, 2	karhu	3
где	kuza	2, 3	kuz (kus)	1
девятый.GEN	ühesseme	2, 3	üheksemen	1
девятый.GEN	ühesseme	2	üheksemen	1, 3
море.GEN	mere	2	meren	1, 3
каменная.(PL.)ADESS рукавица.(PL.)ADESS	tšivizill tšinta(i)ll	2	kivisill kinta(i)ll	1, 3
сапог.PL.ADESS	saappagoill	2	saappail	1, 3

В первом варианте мы два раза встречаем ижорскую глагольную форму *saon* ‘говорю’ и один раз водскую форму *juttəb*³⁶ ‘говорит’. В более позднем (и более подробном) варианте мы встречаем девять случаев использования водского глагола (формы *jutten* ‘говорю’, *juttəb* ‘говорит’ и *jutella* ‘говорят’), но ни одного случая использования ижорского глагола.

Смешение водских и ижорских черт в разных пропорциях у одного и того же человека (даже при воспроизведении одного и того же текста) представляется вполне обычной ситуацией для носителей водского языка. Следует подчеркнуть, что, в отличие от многих других случаев смешения языков, у води это не связано ни с недостаточным знанием какого-либо языка, ни с неспособностью отличить один язык от другого, ни с отсутствием в одном из языков нужных понятий и т. п. Фактически в каждой конкретной ситуации носитель может свободно выбрать степень смешения языков.

Поскольку языки близкородственны, то для анализа смешанного водско-ижорского текста плохо применимыми оказываются стандартные подходы к переключению и смешению кодов (см., например, [Poplack 1980; Myers-Scotton 1997; Muysken 2000]³⁷). Для неродственных языков более или менее решаемой задачей является отнесение того или иного элемента текста к одному из контактирующих языков. В ситуации с близкородственными языками существенная часть любого текста становится неидентифицируемой. Так, в рассмотренной руне слова *vesi* ‘вода’, *kanto* ‘пень’, *meez* ‘мужчина, мужик’ и многие другие совпадают в водском и в ижорском. Тем самым, они не могут быть приписаны только одному из этих языков.

Эти наблюдения позволяют по-новому взглянуть на всю языковую ситуацию водско-ижорского двуязычия. Многоязычный ареал нижнего течения реки Луги традиционно рассматривался как диалектный континуум [Муслимов 2005], где каждая изоглосса охватывает уникальный набор деревень, а внутри одной деревни можно встретить носителей, в речи которых контактирующие языки смешиваются в разных пропорциях, тем самым образуя идиолектный континуум³⁸. В этой системе язык отдельного носителя (идиолект) представлялся как низшая ступень в иерархии язык > диалект > говор > идиолект. Однако, как мы видим, соотношение водских и ижорских элементов в речи носителей водского языка не есть некоторая свойственная идиолекту константа. В каждой конкретной ситуации это соотношение может быть уникальным, то есть набор речевых произведений одного носителя тоже может представлять собой континуум (на этот раз уже внутриидиолектный)³⁹. Это позволяет нам ввести понятие «вариолекта» — языкового варианта, в котором существует определенное соотношение черт разных языков (в нашем случае, водского и ижорского). Тем самым, вариолект оказывается свойственен определенному речево-

³⁶ В оригинале форма записана как *juttəb*.

³⁷ Хотя в [Muysken 2000] описывается стратегия конгруэнтной лексикализации (congruent lexicalization), которая считается наиболее характерной для близкородственных языков [Deuchar, Muysken, Wang 2007: 323], на практике далеко не любой пример будет прозрачен с точки зрения используемых стратегий. Так, в тексте руны ПК-3 можно выделить около полутора десятков ижорских элементов и немногим больше (а если не учитывать все повторы слова *kuza* ‘где’, то меньше) водских. Большая же часть руны не идентифицируется как специфически водская или ижорская. Тем самым, эта руна может рассматриваться и как водская руна с ижорскими элементами, и как ижорская руна с водскими элементами, в которой доминирующей стратегией будет вставка (insertion).

³⁸ Это смешение, ставящее перед исследователем вопрос «На каком же языке говорят местные жители?», было отмечено уже давно, см. [Ariste 1968b, 1969].

³⁹ Ср. с примерами смешения водско-ижорских форм, приводимыми в [Муслимов 2005: 191—192].

му произведению (или его части), а в рамках одного и того же идиолекта можно говорить о наборе различных вариолектов, которые для этого идиолекта были зафиксированы.

Варьирование вариолектов в рамках одного идиолекта ставит непростую задачу перед исследователем, описывающим язык. Прежде всего, ему надо решить, что он описывает. Это может быть один из контактирующих языков, но тогда исследователь вынужден сортировать материал на относящийся к этому языку и на не относящийся. В рассмотренной ситуации такая сортировка всегда будет обладать определенной степенью условности. Обычный способ, который можно применить в «нормальной» ситуации, — это выбрать наиболее компетентных носителей и описывать их язык. Но в данном случае этот способ неприменим: даже самые компетентные носители могут использовать различные вариолекты, содержащие разные элементы каждого языка. Какая морфологически ориентированная запись будет, например, корректной для фонетической последовательности [aitanalla]? Если мы считаем этот фрагмент водским, то *aita* следует признать ижорским заимствованием и использовать запись *aita nalla*. Если же мы считаем этот фрагмент ижорским и постулируем смешение кодов, то этот фрагмент следует записать как *aitan alla*⁴⁰. Есть ли объективные критерии, позволяющие обосновать такой выбор? Вряд ли.

Другой подход заключается в том, чтобы пытаться описать речь носителей в том виде, в каком она предстает перед исследователем, не осуществляя сортировку по языкам. В таком случае объект описания оказывается своего рода «кентавром», поскольку исследователю приходится иметь дело с грамматикой (а, возможно, и фонетикой) сразу двух языков. Так, например, в статье [Агранат 1998] предлагается ввести в водскую падежную систему еще один падеж — аккузатив с показателем *-n*, поскольку в собранном материале были зафиксированы формы с этим показателем (то есть ижорские формы генитива). Насколько такое решение оправданно, в данной статье обсуждаться не будет: этот пример лишь показывает, что описание смешанных вариолектов является задачей, не имеющей простого решения.

7. Выводы

На локальном примере одной кумулятивной руны в статье показано, как выглядит ситуация интерференции языков в нижнелужских деревнях со смешанным водским и ижорским населением. Фактически имеет место итерационная конвергенция: нижнелужский ижорский, который сам по себе является конвергентным языком на базе ижорского и водского, смешивается с водским языком, создавая различные промежуточные варианты.

При этом такие варианты оказываются особенностью не столько говора или идиолекта, сколько конкретного текста, что позволяет ввести понятие «вариолекта»: зафиксированного в данном речевом произведении варианта языка, характеризующегося специфичной пропорцией смешения языков и отличающегося от других вариолектов, в которых степень смешения языков будет другой.

В рамках же идиолекта может возникнуть внутриидиолектный континуум, при котором носитель языка способен свободно порождать различные вариолекты, нередко без какой-либо очевидной обусловленности данного вариолекта внешними факторами.

Проведенный анализ различных вариантов руны *Kuza piippu?* показал, что проникновение ижорских элементов в водский язык происходило постепенно. Если принять утверждение В. Салминена о том, что рассматриваемая руна была заимствована водским языком [Salminen 1929: 86], то следует признать, что в более ранних версиях мы видим ее полноценный перевод на водский язык. В поздних же версиях мы наблюдаем смешение языков, при котором в водский текст проникают ижорские элементы. Это подтверждает тезис об интенсивной ижоризации воды, происходившей как минимум с XIX века [Рожанский, Маркус 2013].

Приложение 1.

Комментарии к трем вариантам руны от ПК

1. Запись всех вариантов намеренно дана в условной фонетической транскрипции. Фонологическая запись была бы тут неуместна, так как требовала бы принятия ряда решений, касающихся морфонологии и морфологии, и, во-первых, затруднила бы дальнейшее изложение, во-вторых, усложнила бы сопоставление с вариантами рун, опубликованными предшествующим исследователями.

Однако для конечных редуцированных гласных *a* и *ä* в данной записи использованы символы *â* и *ä*, которые отсутствуют в транскрипции П. Аристе, не учитывающей специфику конечных редуцированных.

В записи рун ПК для неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема используется символ *e*. В цитируемых примерах для этого гласного используется либо такой же символ *e*, либо символ эстонского алфавита *õ*, в зависимости от того, какая транскрипция применялась в источнике.

⁴⁰ Чтобы не усложнять рассуждение, я игнорирую тут проблемы, связанные с записью редуцированных гласных.

В записи различаются мягкий и твердый вариант латерального аппроксиманта: [l] и [l̥]. Их фонологический статус в водском языке неочевиден. Часто выбор определяется фонетическим контекстом, а иногда демонстрирует признаки свободного варьирования. В нижнелужском ижорском ситуация, по-видимому, довольно близка к водскому, насколько можно судить на основе данных, приведенных в диссертации [Кузнецова 2009: 208—210]. В этой диссертации предлагается считать данные сегменты различными фонемами.

Длительность аффрикаты в форме *mettsä* ‘лес.ILL’ во всех трех вариантах составляет приблизительно 200 мс. В водском языке одиночная и геминированная аффрикаты образуют фонологический контраст, в сойкинском ижорском нет⁴¹, для нижнелужского ижорского окончательное решение не принято (см. [Кузнецова 2009: 280]).

2. Фрагмент со словом ‘коса’ не относится к числу стабильных: он встречается в рунах МН, ОЛ, КЛ, ОФ, ИЛ и НЛ, но отсутствует в Must, Alava, ДТ, АК и НА. Коса всегда представлена словом *vikahte* ~ *vikahtä*, что соответствует водскому языку. К сожалению, в имеющемся у меня материале нет этого слова, записанного от ижор, проживающих в западноводских деревнях. В целом для нижнелужского ижорского характерна лексема *vika(h)e*, также зафиксирован вариант *viikate*. В [Inkeröismurteiden sanakirja 1971: 672] для нижнелужского ижорского приводятся варианты *vikahe* (д. Остров) и *vikate* (россонские говоры). Таким образом, можно предположить, что в песочко-луижском говоре ижорского языка коса обозначалась либо одним из этих слов, отличающимся от водского *vikahte/ä*, либо словом *vikahte/ä*, заимствованным из водского. То есть в любом случае этот элемент в руне следует считать водским.

Произношение глагола при существительном ‘коса’ немного различается в вариантах руны: в ПК-1 звучит переднерядное окончание, а в ПК-2 и ПК-3 — заднерядное. Является ли это неточностью произнесения или же варьированием глагольной лексемы, непонятно. В целом данное место в руне демонстрирует высокую степень вариативности: в финских и ижорских вариантах руны встречаются различные глагольные формы: *vippais*, *viippas*, *vilkkas*, *vilhas*, *vipsas* и другие⁴² [SKVR 2020].

3. Последние две строки руны требуют комментариев в связи со следующими проблемами.

(а) Не совсем понятно число именной группы в предпоследней строке: во всех трех случаях в *tšintall* ~ *kintall* не слышно [i], который ожидается как компонент дифтонга в случае адессива множественного числа. Здесь возможны два варианта:

- второй компонент дифтонга был просто проглочен (это не является исключительной ситуацией),
- было употреблено единственное, а не множественное число.

Отличие этих вариантов совсем не принципиально с точки зрения обсуждаемой проблемы языковых контактов, поэтому я лишь отмечу, что:

— второй компонент дифтонга также не слышен в согласуемом прилагательном, но дифтонг [ij] в беглой речи почти всегда редуцируется до [i];

— появление [e], отмеченное в форме *kivisell* из ПК-1, ожидалось бы в единственном числе;

— в вариантах руны КЛ-1 и НЛ зафиксировано множественное число;

— в таком контексте вполне можно допустить появление единственного числа в функции множественного, ср., например, с водским *miä panin jalged tšätte* ‘Я взял ноги в руки (ILL.SG)’ или ижорским *mitä hänel on käes* ‘Что у него в руках (INESS.SG)?’;

— в последней строке у слова ‘сапог’ дифтонг множественного числа слышен четко.

(б) С точки зрения принадлежности предпоследней строки к водскому и ижорскому языку основным критерием становится водская аффриката *tš* (< *k*), отмеченная только в варианте ПК-2.

(в) Хотя и водская, и ижорская лексемы со значением ‘сапог’ являются русскими заимствованиями, они выглядят по-разному: *särpegä* в водском и *saapas* в ижорском. В ПК-2 представлена форма водского слова, в ПК-1 и ПК-3 — ижорского.

(г) Во всех вариантах ПК последние две строчки не увязываются с сюжетом предыдущей части руны. Ситуацию проясняют варианты, записанные от других носителей. В КЛ-1, НЛ и ОЛ перед этими строками (которых там даже три: к «каменным рукавицам» и «глиняным сапогам» добавляется «железная телега»⁴³)

⁴¹ В отличие от водского, где *ts* является отдельной фонемой, в сойкинском ижорском это скорее сочетание согласных, демонстрирующее некоторые признаки отдельной фонемы (см. [Рожанский, Маркус 2020]).

⁴² В водском варианте КЛ используется форма *lei* от глагола *liiümä*, у которого есть значение ‘косить’ (наряду с ‘ударять’). Заметим, что этот же глагол (*viikate löi* ‘коса скосила’) встречается в ингерманландском финском варианте руны, приведенном в [Народные песни Ингерманландии 1974: 82].

⁴³ Железная телега также встречается в концовке руны, записанной на Сойкинском полуострове в 1861 году (часть III, руна 513 из коллекции финских рун [SKVR 2020]). «Глиняные сапоги» встречаются в руне, записанной в 1906 году у валдайских карел (часть II, руна 1429):

Kuĵ händä šoḡaḡa?	Как ее достать?
Savizil šoappazil,	Глиняными сапогами,
Leppazil kindazil.	Ольховыми рукавицами.

задается вопрос *mille (migāl) mennä vettämā? ~ miļ mænna vettemā?* ‘Как пойти взять (= как его достать)?’⁴⁴. Он относится к фигурирующему перед этим вопросом ястребу (который, в свою очередь, унес петуха и улетел за море). Аналогичный вариант приводится в словаре [Vadja keele sõnaraamat 2013: 1338]: *mille mennää vōttōmaa. — tšivizille tšintaillō, savizillō saappōgoillō, rautdizillō rattailō*.

Другую интерпретацию концовки руны мы находим в НА, где у улетевшего за море петуха *kiviset kintāt käez i saviset sāppād jalassa* ‘каменные рукавицы на руках (досл. в руке) и глиняные сапоги на ногах (досл. в ноге)’ (аналогично в МН глиняные сапоги на ногах и каменные рукавицы на руках оказываются у мужчины, который за морем). Такой вариант отражен в ижорском словаре [Inkeröismurteiden sanakirja 1971: 510]: *missä kukko? üli merel lenzi, savvīst sāppād jalaz, kivvīst kintāt käez* ‘Где петух? Улетел за море, глиняные сапоги на ногах, каменные рукавицы на руках’⁴⁵.

Насколько две описанные интерпретации последовательно коррелируют с языком (водским или ижорским), остается непонятным: ограниченный объем имеющегося материала не позволяет сделать какие-либо выводы на эту тему. Обратим внимание, что в финских вариантах типа *Missä voi?* и ее подтипа *Kuza piippi?* концовки не содержат упоминания о каменных рукавицах и железных сапогах.

(д) В рассматриваемой концовке обращает на себя внимание адессивное оформление именной группы с инструментальным значением. Ни для водского, ни для нижнелужского ижорского такое употребление адессива нехарактерно: в обоих идиомах в этой функции используется комитатив⁴⁶. Однако в сойкинском диалекте ижорского комитатив отсутствует, и инструментальную функцию выполняет именно адессив. Таким образом, можно предположить, что данный элемент в водской руне является заимствованным из ижорского.

Приложение 2.

Пример появления геминаты на стыке слов в послеложной конструкции

Две приведенные спектрограммы⁴⁷ демонстрируют два фонетических варианта одной и той же послеложной конструкции, произнесенных носительницей сойкинско-ижорского 1933 года рождения. Запись сделана автором статьи в 2019 году в д. Валяницы. Первая спектрограмма (Схема 1) показывает слитное произнесение *lumen all* [lumennall] ‘под снегом’, в котором на стыке слов появляется гемината. Вторая спектрограмма (Схема 2) показывает произнесение того же словосочетания при повторе. На ней четко видно, как носительница, добиваясь намеренно четкого произнесения, отделяет последний слог и разрывает геминату на две части, между которыми образуется небольшая пауза.

Схема 1. Словосочетание *lumen all* ‘под снегом’, произнесенное с геминатой на стыке слов.

⁴⁴ Ср. также с концовкой северокарельской руны *Missä voi?*, записанной в 1845 году (часть I3, руна 1885 из коллекции финских рун [SKVR 2020]).

Missä kokko? – Taivahalla.	Где петух? – На небе.
Milla sieltä saatane?	Как достать оттуда?
Korenoilla koivusilla,	Коромыслами березовыми,
Saarapäillä sauvasilla.	Клюками (досл. загнутыми посохами).

⁴⁵ Ср. также с руной, записанной на Сойкинском полуострове в 1858 году, где в концовке ястреб улетел *Kiviset saappaat jalassa, Kiviset kintaat käessä, Kiviset vaatteet päällä* ‘В каменных сапогах на ногах, каменных рукавицах на руках, в каменной одежде’ (часть III1, руна 255 из коллекции финских рун [SKVR 2020]).

⁴⁶ Для водского этот факт отмечался уже в первой грамматике, см. [Ahlqvist 1856: 28].

⁴⁷ Спектрограммы выполнены в программе Praat, см. [Boersma, Weenink 2020].

Схема 2. Словосочетание *lumen all* 'под снегом', произнесенное с разрывом геминаты на стыке слов.

Сокращения

ADESS — адессив
GEN — генитив
ILL — иллатив

INESS — инессив
PL — множественное число
PRS — настоящее время

PST — прошедшее время
SG — единственное число
3SG — 3 лицо единственного числа

Литература

- Агранат 1998 — Агранат Т. Б. К именным категориям водских диалектов // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 272—278. {Agranat T. B. To the nominal categories of the Votic dialects // Proceedings of the international seminar Dialog'98 on the computational linguistics and its application. Vol. 1. Kazan, 1998. P. 272—278.}
- Агранат 2007 — Агранат Т. Б. Западный диалект водского языка. Москва—Гронинген, 2007. {Agranat T. B. The western dialect of the Votic language. Moscow—Groningen, 2007.}
- Вийтсо 1979 — Вийтсо Т.-Р. Проблемы количества в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 1979. Вып. XV. № 1. С. 1—17. {Viitso T.-R. Problems of quantity in Estonian // Soviet Finno-Ugric studies. 1979. Iss. 15. № 1. P. 1—17.}
- Кузнецова 2009 — Кузнецова Н. В. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. {Kuznetsova N. V. Phonological systems of the Ingrian dialects. PhD Thesis. St. Petersburg, 2009.}
- Лаанест 1966 — Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966. {Laanest A. Ingrian dialects. Linguogeographic research. Tallinn, 1966.}
- Лаанест 1977 — Лаанест А. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение. 1977. Вып. 13. № 4. С. 253—260. {Laanest A. Contacts of the Ingrian language with the neighbouring related languages // Soviet Finno-Ugric studies. 1977. Iss. 13. № 4. P. 253—260.}
- Ленсу 1930 — Ленсу Я. Я. 1930. Материалы по говорам води // Западно-финский сборник. АН СССР. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Ленинград, 1930. С. 201—305. {Lensu Ja. Ja. Materials on Votic varieties // Western-Finnish collection. Academy of Sciences of the USSR. Leningrad, 1930. P. 201—305.}
- Маркус, Рожанский 2017 — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. {Markus E. B., Rozhanskiy F. I. Contemporary Votic language. Text collection and grammatical description. Second enlarged edition. St. Petersburg, 2017.}
- Мусаев 2004 — Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004. {Musaev V. I. Political history of Ingria at the end of the 19th — 20th century. St. Petersburg, 2004.}
- Муслимов 2005 — Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. {Muslimov M. Z. Language contacts in the Western Ingria (Lower Luga). PhD Thesis. St. Petersburg, 2005.}
- Муслимов 2012 — Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Вып. VIII. № 1. С. 135—193. {Muslimov M. Z. "Folk dialectology" in the Lower Luga area // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Iss. 8. № 1. P. 135—193.}
- Народные песни Ингерманландии 1974 — Народные песни Ингерманландии / Ред. Конкка У. Л., 1974. {Folk songs of Ingria / Ed. Konkka U. Leningrad, 1974.}
- Рожанский, Маркус 2013 — Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. О статусе нижнелужского диалекта ижорского языка среди родственных идиомов // Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой.

М., 2013. С. 219—232. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* Status of the Lower Luga Ingrian against a background of the related varieties // *Lingvisticheskiy bespredel* — 2. Collection of scientific papers for the anniversary of A. I. Kuznetsova. Moscow, 2013.}

Рожанский, Маркус 2020 — *Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* О фонологическом статусе аффрикаты *ts* в сойкинском диалекте ижорского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Вып. XVI. № 3. С. 440—479. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* On the phonological status of the affricate *ts* in Soikkola Ingrian // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Iss. 16. № 3. P. 440—479.}

Хейнсоо 1995 — *Хейнсоо Х.* Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йюкпиш. Ювяскюля, 1995. С. 168—182. {*Heinsoo H.* Votes and their ethno-cultural state // *Finnic people. History and destiny of related nations* / Comp. M. Jokipii. Jyväskylä, 1995. P. 168—182.}

Эрнитс 2006 — *Эрнитс Э.* Об обозначении звуков в водском литературном языке // *Linguistica Uralica*. 2006. Вып. 42. № 1. С. 1—9. {*Ernits E.* On designation of sounds in the Votic literary language // *Linguistica Uralica*. 2006. Iss. 42. № 1. P. 1—9.}

Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1856.

Ariste 1960 — *Ariste P.* Vadjalaste laule. Tallinn, 1960.

Ariste 1968a — *Ariste P.* A Grammar of the Votic Language. Bloomington; The Hague, 1968.

Ariste 1968b — *Ariste P.* Welche Sprache spricht die ostseefinnische Bevölkerung in Vaipooli? // *Fenno-Ugria*. Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968. Helsinki, 1968. S. 12—19.

Ariste 1969 — *Ariste P.* Über die Dreisprachigkeit unter einigen finnisch-ugrischen Völkern // Советское финно-угроведение. 1969. Вып. 5. № 4. С. 245—254.

Ariste 1975 — *Ariste P.* Über die inneren Kontakte zwischen den ostseefinnischen Sprachen // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tallinnae habitus 17.—23. VIII 1970. Pars I: *Acta linguistica*. Tallinn, 1975. S. 196—199.

Ariste 1981 — *Ariste P.* Keelekontaktid. Eesti keele kontakte teiste keeltega. Tallinn, 1981.

Ariste 1986 — *Ariste P.* Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn, 1986.

Boersma, Weenink 2020 — *Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.29. <<http://www.praat.org/>>. По состоянию на 30 ноября 2020 года.

Deuchar, Muysken, Wang 2007 — *Deuchar M., Muysken P., Wang S.-L.* Structured Variation in Codeswitching: Towards an Empirically Based Typology of Bilingual Speech Patterns // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 298—340.

Haarmann 1984a — *Haarmann H.* Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3: Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg, 1984.

Haarmann 1984b — *Haarmann H.* Soziolinguistisch-lexikologische Studien zu den ingrisch-russischen Sprachkontakten: mit einem ingrisch-russischen Wörterverzeichnis. Hamburg, 1984.

Inkeröismurteiden sanakirja 1971 — *Inkeröismurteiden sanakirja* / Toim. Nirvi R. E. Helsinki: 1971.

Kettunen, Posti 1932 — *Kettunen L., Posti L.* Näyteitä vatjan kielestä. Helsinki, 1932.

Köppen 1867 — *Köppen P.* Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg, 1867.

Kuznetsova at al. 2015 — *Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M.* Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and in the European Union: Comparative studies on equality and diversity* / Eds. Heiko F. Marten, Michael Rießler, Janne Saarikivi, and Reetta Toivanen. Heidelberg / New York / Dordrecht / London, 2015. P. 127—167.

Mägiste 1959 — *Mägiste J.* Woten Erzählen. Wotische Sprachproben. Helsinki, 1959.

Mustonen 1883 — *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja Vatjan kielestä // *Virittäjä*. 1883. Num. 1. S. 144—188.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton 1997 — *Myers-Scotton C.* Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, 1997.

Poplack 1980 — *Poplack S.* Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino espanol: Toward a Typology of Code-Switching // *Linguistics*. 1980. Vol. 18. P. 581—618.

Salminen 1928 — *Salminen V.* Vatjalaiset runot. Helsinki, 1928.

Salminen 1929 — *Salminen V.* Tutkimus vatjalaisten runojen alkuperästä. Helsinki, 1929.

Savijärvi 1998 — *Savijärvi I.* Cognate languages in contact. Ingria — where four Baltic-Finnic languages meet // *Language contact, variation, and change* / Eds. Jussi Niemi, Terence Odlin ja Janne Heikkinen. Joensuu, 1998. P. 269—286.

SKVR 2020 — <https://skvr.fi/> (по состоянию на 15 октября 2020 года)

Trefurt 1785 — *Trefurt F. L.* Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden // *Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit*. II Band, 2. Stück / Ed. Fr. K. Gadebusch. Riga, 1785. S. 89—122.

Tsvetkov 1925 — *Tsvetkov D.* Vadjalased // *Eesti Keel*. 1925. Iss. 4. № 1—2. Lk. 39—44.

Tsvetkov 1995 — *Tsvetkov D.* Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto / Toim. J. Laakso. Helsinki, 1995.

Vadja keele sõnaraamat 2013 — *Vadja keele sõnaraamat* / Toim. S. Grünberg. Tallinn, 2013.

Västriik 2007 — *Västriik E.-H.* Vadjalaste ja isurite usundi kirjeldamine keskajast 20. sajandi esimese pooleni: alliktekstid, representatsioonid ja tõlgendused. PhD Thesis. Tartu, 2007.